

Се Хуайде замер, когда на следующее утро увидел на столе белого бумажного мотылька.

Тот тихонько сидел на его учебнике математики — с чёткими, аккуратными линиями, с расправленными крыльями. Он разительно отличался от тех крылатых созданий, что Се Хуайде складывал сам — с их капелькой исступлённого напряжения и искривлёнными изгибами. Подобная выверенная, холодная техника складывания могла принадлежать лишь одному человеку.

Сюй Чжися.

Что это должно значить? Вызов? Или... еще одна форма ответа на вчерашний конфликт?

Се Хуайде уставился на белого мотылька, и едва унятая в груди злость вновь принялась угрожающе тлеть. Ему нестерпимо захотелось тут же смять его в комок и выбросить в урну. Но пальцы лишь качнулись, и в конце концов он так и не притронулся к нему.

С мрачным лицом Се Хуайде запихнул учебник математики вместе с покоившимся на нём бумажным мотыльком в самый дальний угол парты — с глаз долой.

Сюй Чжися уселся рядом, всё с тем же непоколебимым, безмятежным выражением лица, словно на столе ничего не прибавлялось и ничего не убывало.

На утреннем чтении в классе стоял звонкий гул голосов. На этот раз Се Хуайде, вопреки обыкновению, не стал опускать голову на парту и не принялся складывать оригами. Он откинулся на спинку стула, уставившись в окно, однако взгляд его оставался расфокусированным. Ощущение присутствия белого мотылька в недрах парты было на редкость назойливым — словно крошечная заноза впилась в его восприятие.

А на первом ряду староста класса по литературе Фань Ро как раз развернулась к своей соседки по парте и по совместительству учебному старосте Линь Яньцину, чтобы обсудить что-то. Фань Ро была короткостриженной девчонкой, разговорчивой и деятельной, с мальчишеской лихостью во взоре.

— Линь Яньцин, ты уже разобрался с тем прошлым обобщением по классическому китайскому? Одолжишь почитать?

Линь Яньцин поправил очки и вытащил один листок из аккуратной стопки материалов:

— Держи. Но я советую тебе обратить особое внимание на третью часть: учитель Ли любит спрашивать про употребление служебных слов.

— Спасибо! — Фань Ро перехватила листок, бегло просматривая его, и бормотала на ходу: — Ну ты всё-таки надежный человек.

Её взгляд невольно скользнул по задним рядам и столкнулся с бесстрастным взглядом Се Хуайде. Фань Ро на мгновение опешила, но, в отличие от остальных одноклассников, не стала тут же отводить глаза. Напротив, она непринужденно кивнула ему в знак приветствия, после чего снова повернулась к Линь Яньцину продолжить разговор.

Се Хуайде даже удивился. В этом классе, помимо учителей, еще никто не осмеливался так запросто встречаться с ним взглядом. Он отвел глаза, и раздражение в его сердце вроде бы самую капельку утихло, но всё же никуда не исчезло.

На первой же перемене Ци Юй снова промчался мимо вихрем, на сей раз целясь прямо в Сюй Чжися и... Се Хуайде?

— Брат Сюй! Се... Се Хуайде! — голос у Ци Юй по-прежнему был громким, но на имени Се Хуайде он явно споткнулся, выдав нотку осторожной разведки: — На следующей неделе начинается запись на спортивные состязания! Вы двое не хотите заявиться в какой-нибудь дисциплине? Принесите балов классу!

Сюй Чжися поднял голову и еще ничего не успел сказать, как Се Хуайде уже ледяным тоном бросил:

— Не собираюсь.

Ци Юй, похоже, ожидал подобного ответа и уговаривать особо не стал, лишь жалобно уставился на Сюй Чжися:

— Брат Сюй, а ты? Три километра? Или прыжки в высоту? В прошлом году ты ведь побил рекорд по прыжкам в высоту!

Сюй Чжися немного подумал и лаконично бросил:

— Пожалуй, три километра.

— Отлично! — Ци Юй хлопнул себя по бедру и вновь перевёл взгляд на Се Хуайде, упрямо добавив: — Эм... Се Хуайде, если передумаешь, в любой момент обращай ко мне! Можно и на короткие дистанции!

С этими словами, не дожидаясь ответа Се Хуайде, он снова вихрем умчался прочь.

Се Хуайде насмешливо фыркнул. Спортивные состязания? Пустая трата времени.

Он машинально бросил еще один взгляд на сидящего рядом Сюй Чжися. Три километра? С виду не скажешь, но бегают, судя по всему, выносливо. Он снова вспомнил вчерашнюю

неутомимую беготню Сюй Чжися на баскетбольной площадке, и заноза осознания в духе я ему не ровня в его душе стала чуточку отчетливее.

Подобное понимание вызывало у него жуткое раздражение, с которым он, однако, ничего не мог поделать.

После обеда был урок литературы. Учитель рассказывал об эссе на тему свободы и оков, упомянув при этом Чжуан-цзы, которому приснилось, что он — бабочка.

...Это Чжуан-цзы во сне превратился в бабочку или бабочке снится, будто она — Чжуан-цзы? Это состояние полного слияния с вещами, когда забываешь о границах собственного я, а также тоска по абсолютной свободе...

Рассеянный до того взгляд Се Хуайде при слове бабочка едва заметно замер. Рука сама собой нырнула в парту и нащупала приткнутого в уголке белого мотылька, которого сотворил Сюй Чжися. Кончики пальцев ощутили прохладную бумажную фактуру.

Свобода?

Он дернул уголком рта, выдавив подобие насмешливой улыбки. Он чувствовал себя словно привязанная невидимыми нитями бабочка: чем сильнее бьешься, тем туже затягиваются путы. Болезнь — это нить, странные взгляды окружающих — это нить, осторожная забота родителей — это нить, а теперь даже этот молчаливый сосед по парте казался прочной, нестигаемой нитью, от которой не освободиться.

Раздраженный Се Хуайде задвинул белого мотылька еще глубже.

Прозвенел звонок об окончании уроков, и Се Хуайде, по обыкновению, поднялся первым. Сегодня он не стал уходить сразу, а замер возле парты, словно в нерешительности. Его взгляд скользнул по столу Сюй Чжися — там, помимо учебников, лежала недочитанная Краткая история времени.

Сюй Чжися неторопливо собирал ранец, движения его по-прежнему оставались размеренными.

Губы Се Хуайде дрогнули, словно он хотел что-то сказать. Например, потребовать ответа: что это за шутки с белым мотыльком? Или просто предупредить, чтобы тот прекратил заниматься подобной ерундой?

Но в конце концов он так ничего и не произнес. Лишь бросил на Сюй Чжися долгий взгляд — сложный, в котором смешались не угасшая воинственность, тревога от того, что его раскусили, и едва уловимая искра любопытства, которую он сам до конца не осознавал.

Затем он развернулся и, как обычно, первым вышел из класса.

Сюй Чжися не прервал сборов, однако, застегивая молнию рюкзака, поднял глаза на опустевшее место Се Хуайде и на секунду задержал взгляд на пространстве под партой.

Оставленный им белый мотылек исчез.

Выбросил? Или... забрал?

На лице Сюй Чжися не дрогнул ни один мускул. Закинув ранец за плечи, он тоже покинул класс.

В коридоре Се Хуайде шагал небыстро. Позади слышались знакомые, едва различимые шаги: он знал, что Сюй Чжися идет следом.

Они шли друг за другом на небольшом расстоянии, храня молчание, направляясь к общежитию.

Остатки закатного солнца вытягивали их тени в длинные силуэты, порой те пересекались, чтобы тут же разойтись вновь.

Се Хуайде засунул руки в карманы брюк школьной формы, и его пальцы бессознательно теребили что-то внутри. Там лежали сначала смятый, а затем распрямленный синий бумажный мотылек, края которого уже успели растрепаться, и... тот самый белый бумажный мотылек с правильными линиями.

Сюй Чжися по-прежнему раздражал его.

Страшно раздражал.

Только вот в этом раздражении что-то неуловимо менялось.

<http://bllate.org/book/21841/2264362>